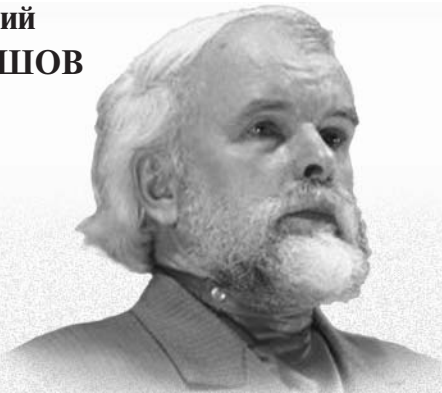

Дмитрий БАЛАШОВ

*Дмитрий Михайлович БАЛАШОВ (1927–2000) –
известнейший российский писатель,
автор исторических романов:*

*«Господин Великий Новгород», «Марфа-посадница»,
«Бальтазар Косса», уникальной хроники-эпопеи
«Государи московские».*

*В 1961–68 гг. работал в Институте литературы, языка
и истории Карельского филиала АН СССР в Петрозаводске.
С 1972 по 1983 год Балашов жил в деревне Чеболакша
на берегу Онежского озера.*

*После того как его дом сгорел, переехал в Великий Новгород.
Практически все произведения Дмитрия Балашова
публиковались в журнале «Север».*

«Исполать тебе, Россия...»

От редакции:

*Дмитрий Михайлович Балашов оставил богатое
творческое наследие. Это не только широко изве-
стные исторические романы, вошедшие в сокро-
вищницу отечественной литературы. Не только
научные книги – результат исследовательских экс-
педиций по Русскому Северу. Это еще и стихи,
которые храняться у вдовы писателя Ольги Нико-
лаевны Балашовой. Не все они доведены автором до
последнего, окончательного варианта, когда, так
сказать, ни убавить ни прибавить, тем не менее*

*эти стихи, их высокий уровень являются неоспо-
римым свидетельством еще одной грани литера-
турного таланта Дмитрия Балашова.*

*При этом для широкой читательской аудитории
факт, что известный романист писал хорошие
стихи, станет, без сомнения, большой новостью.
И нынешней публикацией журнал «Север» воспол-
няет этот пробел.*

ПРОЩАНИЕ

Здесь трава не такая.
Здесь лес не такой, как у нас.
Здесь косой неухоженной бровки
И вовсе не встретишь.
Здесь чужая, чужая земля.
Отверни скакуна!
Даже степи Монголии
Ближе, чем пажити эти!

Здесь красиво. Здесь славные,
Добрые люди живут.
Здесь не скажешь – «враги»,
Не позволят ни разум, ни совесть.
Может быть, это «завтра»,
Которое нам создают?
Может, надобно жить,
Потихоньку к такому готовясь?

Повелите ж! Но мне,
Заблудясь в перепутьях своих,
Не достанет на то
Ни смиренья души, ни терпенья.
Я Россию хочу словно Китеж
Поднять из воды!
Мне великое прошлое
Застит иные свершенья!

Не храни ты, мой конь!
Ты ведь тоже приснился во сне!
Я узорной чешмой
Опояшу твоё ожерелье
И открою окно,
И увижу порхающий снег,
И умчусь я душой
К хороводам серебряных елей!

СТАМБУЛ*(по дороге в Великий Новгород)*

Над унылой тоской Паозерия
 Проклянешь, да отринуть нельзя!
 Это серое небо осеннее
 Да унылый стеклярус дождя.

Словно в буйном пиру поколения
 Обнесли меня чаркой хмельной.
 Это серое небо осеннее
 Над моею зависло судьбой.

Осень жизни связала колени,
 Съела душу, мечты камня.
 Это серое небо осеннее
 Словно саван одело меня.

И уже не найдёшь утешения,
 Не воротишь загубленных дней,
 Это серое небо осеннее
 Как заклятье зависло во мне.

И в стамбульском торговом кипении
 У подножья Сарая-дворца
 Это серое небо осеннее
 Неизбывно во мне до конца.

И уже наплывает прозрение,
 Что в итоге ненастного дня
 Это серое небо осеннее
 Под собой похоронит меня.

Но твои обнимаю колени я,
 Припадая к Господней любви:
 – Это серое небо осеннее
 Надо мной хоть на миг разорви!

* * *

Скачут кони, и дует ветер,
 И опять даже смерти нет!
 Только колокола столетий,
 Только осени жёлтый цвет.

Только слёзы дождя да дымы,
 Да серебряные снега,
 Да опять сумасшедшее – «Мимо!»
 Мимо избы, поля, стога –

Мимо горе, усталость, беды
 И предательская седина.
 И опять – сокрушений не было,
 Чаша пьётся опять до дна.

Пьётся чаша, топчут кони,
 Степь, далёкость, седой рассвет...
 Или прежнего не припомнить,
 Или смерти и вправду нет?

Словно жизнь ещё только тронет,
 И в рассветную сизую темь
 Устремляют к восходу кони
 Ненаписанных мной поэм!

ВСТРЕЧА

Возле ёлок и осинок
 Оседают грязный снег.
 Исполать тебе, Россия,
 Исполать тебе вовек!

Серый цвет твоих развалин,
 Косогоры да вода,
 Да над сказочною далью
 Зависают провода.

Словно тем вон косогором
 Шли в лаптях, за ратью рать
 Не рифмованным укором
 За Россию умирать.

А под речкою-калекой,
 Где осока да пустырь,
 В незапамятные лета
 Сергей ставил монастырь.

А за синими холмами
 Ото всех лихих времён
 Бородатыми волхвами
 Город Китеж потаён.

Вот теперь уже взаправду
 Увлажнились глаза,
 Вот теперь уже в награду
 Даже эти небеса!

Даже серость, даже сырость,
 Даже облачная хмарь,
 Исполать тебе, Россия,
 Принимай меня, как встарь!

Никуда-то мне не скрыться,
Сколь ни стану колесить!
Надо Сергию молиться.
Надо Богу послужить!

Надо тем же косогором
Что на подвиг, что на рать
Отправляться мне без спору
За Россию умирать.

Чтобы сказка не сносились,
Чтоб не высохла вода,
Чтоб не кончилась Россия,
Не исчезла никуда!

БОЛОТО

Среди осок состарилась вода,
Во мхах мхов, чтоб увидали вдруг вы
Рябиновые бусы спелой клюквы,
Здесь жизнь остановилась навсегда.

И только в череде осенних дней,
Когда шумят угрюмо старцы ели,
Болото вспоминает лебедей,
Что к голубым озёрам улетели...

* * *

Ты груба и лицом, и станом,
Головой в золотой пыли.
Мы таких вот, скрутив арканами,
Из далёких земель вели.

Мы таких, надругавшись дóсыта
И рубахи напрочь сорвав,
Опрокидывали раскосых
В полевое кипенье трав.

Вы вставали грязные, голые,
Закусив губу до крови,
И плескало глазами тяжёлыми
Море дикой степной любви.

Что ж ты рожу отворотила?
Уж не тем ли теперь горда,
Что прошла наша злая сила,
Как швыряли на щит города.

Там, где кони — наметом, рысью ли,
Тишина. Над хлебами синь,
Измельчали мы или выросли
Из кольчужной брони пустынь?

Всё равно мы остались Азией!
Вечно блазнит, в веках звеня,
Чтоб Европа летела грязью
Из-под звонких копыт коня.

И любить нас — шальных, неистовых
До предела лет молодых
Самый злой и пленительный искус
Непутёвой твоей судьбы.

1970-е

* * *

Он поднял меч. Троих сразил ударом.
Извлёк копьё из раны и сломал.
Залитый кровью ангел божьей кары,
Он нагонял и снова убивал.

Он страшен был. В крови своей и вражьей
Вспухало гневом грозное лицо,
Искал того, кто выступит отважно,
Рискнёт сразиться с ним в конце концов!

Он звал: «Дерзай! Я умираю, понял?
Прими удар слабеющей руки!
Позор! Меня бояться даже кони,
И ваши разбегаются полки!»

Он требовал бойца, но те молчали,
И в ропоте отодвигались вспять.
Его, живого, в ужасе бежали,
И раненого — дергались бежать.

— Кто бросил то копьё, явись на очи!
Ужели трус посмел сразить меня?!
Но отступали молча дети ночи,
Как волки от горящего огня.

Сжимая меч в закаменевшей длани,
Сжимая рану в бредовом дыму,
Он, умирая, шёл по полю брани,
И не было соперника ему.

17 июня 1997 («Седов», прибытие)